№ 1 (25)
Январь 1999

Право на свободу

Бюллетень Правозащитного Центра "Вясна—96"

Время выбора...

Новый 1999 год должен был пройти в Беларуси под знаком выборов. Согласно Конституции 1994 года, этой весной заканчиваются полномочия депутатов местных советов и Верховного Совета, а летом — президента Беларуси А.Лукашэнка. Действительно, сроки легитимности заканчиваются, но состоятся ли выборы? Ответить однозначно на этот вопрос в Беларуси, наверное, не возмется никто. Действия президента Беларуси настолько непредсказуемые, что возможен любой вариант развития событий. В том числе и объявление, по примеру президента Казахстана Н.Назарбаева, "досрочных" президентских выборов.

В конце прошлого года, по крайней мере, какие-то "ясность и определенность" были. Опираясь на результаты непризнанного в демократическом мире референдума 1996 года, в Беларуси был принят новый закон о выборах, и президентская команда объявила о начале "трехлетки выборов", имея в виду, что в 1999 году состоятся выборы в местные советы, в 2000-ом — в так называемое Национальное собрание (созданный А.Лукашэнка "парламент" из его сторонников вместо легитимного Верховного Совета), а в 2001-ом — президента государства. А.Лукашэнка любит все советское, и поэтому недаром беларусское новоизобретение "трехлетка" так напоминает большевитское — "пятилетка".

(Продолжение на стр. 2-3)

Хроника

27 и 28 декабря 1998 года в Гродно горисполком отказал Свободному профсоюзу в проведении траурного митинга в связи с убийством шести гродненских предпринимателей в России. По словам председателя профсоюза предпринимателей Валерыя Леваневского, за этим отказом стоит желание властей спустить на тормозах проблему безопасности тех, за чей счет пополняется городской бюджет, замолчать трагедию.

31 декабря 1998 года исполнительный комитет г. Сморгонь Гродненской области вынес решение, согласно которому было изменено место проведения пикета — вместо площадки в центре города был предложен городской парк. В заявлении о проведении заявитель пикета, частный юрист Аляксандр Дзергачов писал: "18 декабря 1998 года по первой программе ОРТ демонстрировалась передача "Подробности" с участием президента Беларуси. В этой передаче президент высказался, что известные беларусские политики Зянон Пазняк и Станислав Шушкевич обещали выселить из Беларуси людей русской национальности. Я из их уст ничего подобного никогда не слышал, а потому считаю, что высказывание президента не соответствует действительности, подрывает репутацию движения и партии БНФ, членом которой я являюсь. Основываясь на вышесказанном и в соответствии с Законом "О собраниях, митингах, уличных шествиях и пикетировании" собираюсь провести пикетирование. Цель: высказать протест против высказывания президента Беларуси в отношении Зянона Пазняка и Станислава Шушкевича. Место проведения: площадка напротив гастронома "Юбилейный" в г. Сморгонь. Время проведения: 10 января 1999 года с 10 до 13 часов".

(Продолжение на стр. 6-7)

Улица на "единение" реагирует по-своему

25 декабря, после подписания в Москве очередных бумаг о намерениях объединения Беларуси и России в союзное государство, в Минске состоялся стихийный митинг...

Подписав в Москве договоры о "дальнейшем единении" с Российской Федерацией, президент Лукашэнка тут же безапелляционно заявил: эти договоры "не имеют необходимости в подтверждении, в волеизъявлении" народов обеих стран. Однако многие беларусы восприняли такой "рождественский подарок" как личное оскорбление. Очень символическим выглядит тот шок, который получили 25 декабря мои знакомые. Они были на праздничной мессе в Красном Костеле, когда на пейджер одному из них пришло сообщение о событиях в Москве...

Не успели высохнуть чернила на подписях Лукашэнка и Ельцина, как на минский проспект Скарыны уже вылился стихийный протест. Недовольных и возмущенных "объединением" было в тот день множество. Но даже для них стало неожиданностью то, что около 20 человек перекрыли автомобильное движение на проспекте в районе площади Якуба Коласа. Показательна реакция на неожиданный пикет 20-ти смельчаков милиции и общественности. Милиция сначала даже растерялась, а минчане на улице и водители остановленных автомобилей благодарили пикетчиков и с восхищением спрашивали: "Что это за люди?" Только один водитель BMW после разговора с милицией поехал прямо на пикет и сбил своей машиной участника акции, члена БНФ Лявона Сакольчыка. Через полчаса после начала акции милицией были задержаны девять ее участников, на которых составили протоколы в Советском РОВД столицы, а затем держали три выходных дня — в спецприемнике-распределителе на Акрэсцина. Правда, были отпущены в ночь на 26 декабря три задержанные женщины: Любовь Лунева, депутат Верховного Совета 13-го созыва Людмила Гразнова и представительница Объединенной Гражданской партии Галина Юрына. Вместо тюрьмы провел католическое Рождество в нейрохирургическом отделении девятой минской больницы депутат и журналист Валеры Шчукин (у него болела голова от прежних побоев милиции 7 декабря, а в больнице выяснилось, что у него черепно-мозговая травма). Остальные задержанные три дня сидели в камере вместе с бомжами.

Затем начались суды. Сославшись на ремонт в здании Советского районного суда, власти провели судебные процессы над оппозиционерами в районном отделе милиции и опорном пункте на Комаровском рынке (сам рынок в тот день был закрыт на выходной — понедельник). Представителей СМИ и правозащитников на суды не допустили. На Комаровке перед входом в милицейский участок стоял кардон милиции, а из раций охранников неслись приказы: "Никого не пускать!" По словам одного из милиционеров, приказ отдал заместитель начальника Советского РОВД. Судья Ина Шэйко вынесла предупреждение правозащитнице Любови Луневой. Активистки гражданской инициативы "Хартыя-97" Людмила Гразнова и Галина Юрына оштрафованы на 52 миллиона рублей. Судья Людмила Савасцян наложила штраф в 5 миллионов на еще одного участника акции — члена БНФ Виктара Фурмана. Ее же решением были осуждены на 5 суток административного ареста 67-летний Алесь Карызна, 50-летний Уладзимир Руснак, 48-летний Виктар Марозав (также члены БНФ). На такой же срок попал за решетку и Змицер Бандарэнка — руководитель Фонда поддержки независимой прессы. Вообще, нельзя не заметить, что в протесте против измены интересам Беларуси наиболее радикально проявили себя именно люди пожилые: в стихийной акции почти не участвовала молодежь. Это непривычно, и можно только представлять, какие формы может принять беларусский студенческий протест...

Во время акции 25 декабря были попытки задержать журналистов. Был схвачен, но затем отпущен корреспондент газеты "Беларуская маладзёжная" Сяргей Пульша. Коллеги и минчане с трудом отбили у милиции оператора ОРТ

Время выбора...

(Начало на стр. 1)

Выборы в местные советы были назначены на 4 апреля. Во время их проведения планировалось "обкатать" новый закон о выборах, согласно которому, депутатом даже самого низкого органа власти не может стать гражданин, который имеет административные взыскания. Поскольку практически все деятели оппозиции за участие в митингах, пикетах, демонстрациях привлекались к ответственности: наказывались штрафами и арестами, они автоматически были лишены права стать кандидатами в депутаты. Власти даже не скрывают причину появления такого "пунктика" в законе о выборах. Один из его разработчиков, функционер Нацсобрания г-н Лазовик назвал его "мерой политической борьбы", что означает — способом отсечь оппозицию от возможности участвовать в формировании органов власти.

Впрочем, демократическая оппозиция, которая до сих пор не признает легитимность про-лукашенковского Национального собрания, а, значит, и законов, принятых им, участвовать в президенской "трехлетке выборов" и не собиралась. Депутаты легитимного Верховного Совета Беларуси 13-го созыва, которые продолжают свою деятельность, руководствуясь Конституцией 1994-го года, на своем заседании 10 января отметили, что пятилетний срок полномочий президента А.Лукашэнка, на который он был избран, заканчивается в мае этого года, и, согласно закону, назначили выборы президента Беларуси на 16 мая. Создана Избирательная комиссия, которая будет заниматься регистрацией кандидатов в президенты страны и проведением выборов.

Как будет себя вести в этой ситуации Аляксандр Лукашэнка, который понимает, что, несмотря ни на какие "референдумы", для всего мирового содружества срок его легитимности как руководителя государства закончится уже в этом году, а не через два года? После "триумфа" Назарбаева и постоянных нашептываний-успокоений, что если бы выборы состоялись в этом году, он бы их убедительно выиграл, не жалеет ли он, что послушал своих советчиков и польстился на референдумное "продление полномочий"... Но — это его проблемы: поступаться "принципами" или нет.

Есть, правда, и другой вариант развития событий: А.Лукашэнка может попытаться силовым путем "разобраться" с неподвластными депутатами. Для этого уже подводится соответствующая "правовая" основа. Генеральная прокуратура Республики Беларусь заявила, что действия депутатов "вступают в противоречие с Конституцией Республики Беларусь" и "могут расцениваться не иначе как попытка захвата государственной власти неконституционным путем, намерение дестабилизировать обстановку в обществе, спровоцировать массовые беспорядки". Прокуратура предупредила об уголовной и административной ответственности за "подобные противоправные действия". Понятно, пролукашенковская прокуратура (кстати, все функционеры ее назначены самим президентом) по-другому отреагировать и не могла. Не заметить решение депутатов — значит признать факт, что А.Лукашэнка в 1996 году захватил власть в Беларуси неконституционным путем. Именно так считает Верховный Совет, и позиция его поддерживается во всем цивилизованном демократическом мире.

Таким образом, народ Беларуси сейчас поставлен перед дилеммой: в каких выборах участвовать? В объявленных президентской командой или назна-

Дмитрия Завадского, у которого пытались отнять видеокассету с записью акции.

В последний день года чуть не попал в тюрьму и депутат ВС Валеры Шчукин, которого утром выписали из больницы. Когда он вышел на крыльцо, его уже ожидала милиция. Депутата посадили в машину и отвезли в суд, но процесс был отложен только из-за того, что В.Шчукин потребовал адвоката. Новый год Валеры Аляксеевич встретил дома с родными, но уже в первый рабочий день 1999 года — 4 января — его ожидало судебное разбирательство и арест...

Таким образом, режим сразу показал: "единение с братской Россией" будет вестись методом не только вранья из телевидения вдогонку договорам за спиной народа, но и тривиального кулака. Нежелающих жить в новой империи ожидают избиения, решетки, вши, астрономические штрафы. Чем дальше идет "единение" — тем более усиливаются репрессии в Беларуси. Ситуация обостряется экономическим кризисом, пустыми полками магазинов, невыплаченными зарплатами и близким концом легитимности президентства А.Лукашэнка.

Тацяна СНИТКО

ченных легитимным Верховным Советом? На стороне президента могучая "вертикаль", все структуры власти, газеты, радио, телевидение... и карательные органы. На стороне демократической оппозиции — честь, достоинство, правда... и надежда на перемены к лучшему.

Силы и возможности сторон, которые противостоят друг другу, очевидно, неравные. Официальные СМИ, целиком подчиненные Лукашэнка, о решении Верховного Совета или совсем не сообщили, или поиздевались с него в своих комментариях. А потому объявление выборов президента Беларуси сегодня важно как факт: есть в нашей стране люи, которые, несмотря на давление и беззаконие, твердо стоят на демократических позициях и продолжают борьбу с диктаторским режимом. Ну, а Время выбора для народа — явление перманентное. Хотя, у граждан Беларуси появилась возможность сделать выбор уже в этом году...

Андрэй НАЛИВА

Как это было

Заметки очевидца

Господину Аляксандру Карызна — 67 лет. Он пенсионер, приверженец Беларусского Народного Фронта. 25 декабря прошлого года, после показа по телевидению президентов России и Беларуси, которые сообщили о подписании очередных документов об интеграции своих стран в одно государство, он не удержался и вышел на улицу Минска. Дальше послушаем рассказ его самого...

...На душе было скверно. Решил поехать на площадь Якуба Коласа, где в последнее время проходили акции оппозиции. Вышел из метро без десяти минут семь часов вечера. На краю площади, около кафе, вижу кучку людей с плакатами и бело-красно-белыми флагами. Присоединяюсь к ним. Как и думал, люди собрались здесь, чтобы высказать свое отношение к подписанным в Москве документам. Нас пока немного, в большинстве своем люди пожилые, и все настроены решительно. Без пяти минут семь цепочкой выходим на проезжую часть проспекта Скарыны. Милиции не видно. Пропускаем два троллейбуса, такси... Вокруг начинает собираться народ, засуетились и милиционеры. Недалеко от меня, на тротуаре, появляется дородный подполковник, который ведет себя как простой наблюдатель. На нас для прорыва цепочки мчится машина с тремя антеннами. Я успеваю вывернуться от нее, а мой сосед по цепи по фамилии Сакольчык не успевает, попадает под колеса. Слышу его крик-стон. Бросаюсь к подполковнику, прошу, чтобы вызвал "скорую помощь" или задержал шофера-преступника. В ответ — никакой реакции. Машина исчезает, а потерпевшего люди выносят на тротуар. Останавливается следующая машина и г-н Сакольчыка везут в больницу. Меня тем временем хватают какие-то люди и ведут к "воронку". Сюда же заталкивают еще двух женщин (Юрыну и Луневу — *ред.*). На часах 19.15. В 19.19. мы уже находимся в Советском РОВД. Всего задержанных девять человек. Узнаю депутатов Верховного Совета 13-го созыва Л.Гразнову и В.Шчукина. Удивляюсь, что раньше, там в цепочке, их как-то не заметил. Остальных пока не знаю.

Милиционеры сразу же начинают оформлять протоколы задержания. Пока дошла моя очередь, было уже далеко за полночь. Остались мы вдвоем со Шчукиным. Его обыскивают, выбрасывая все из карманов на стол. Шчукину вдруг становится плохо, и его везут в больницу.

Наконец перед следователем оказываюсь я. Уточняется моя личность и предъявляется обвинение: участие в несанкционированном пикете, перекрытие движения на проспекте, выкрики лозунга "Жыве Беларусь!" Протокол задержания я подписать отказался, так как без очков плохо видел, да и из-за неразборчивого почерка следователя прочитать, что он написал, не смог.

Женщинам вручили повестки в суд (на 28 декабря — *ред.*), а остальных — пятерых мужчин — повезли в спецприемник-распределитель на улице Акрэсцина, где нам придется пробыть до суда почти трое суток — с пятницы до понедельника. Поместили нас в одну камеру, где уже были вшивый алкаш и два эфиопа. Пытаюсь уснуть, но не могу: сильно болят спина и ноги...

Первый день, суббота, начался со знакомств и прошел в разговорах. Гадаем: покормят ли нас сегодня, говорим о правозащитных организациях "Хартыя-97" и "Вясна-96", надеемся, что о нас не забудут...

В понедельник, где-то после десяти часов утра, нас повезли в суд Советского района г.Минска. Судья Савасцян Людмила Аркадзевна сообщает, что я обвиняюсь в участии в несанкционированном пикете и называет какую-то статью какого-то кодекса. Прошу зачитать неподписанный мной протокол задержания, вызвать свидетелей и внести в дело факт наезда на пикетчиков автомобиля — судья на это никак не реагирует. Приговор, наверное, был определен заранее,

(Продолжение на стр.6-7)

Учитель, фермер, подсудимый...

Такой жизненный путь Павла Шалесного

I

Пединститут Павел Шалесны закончил в Минске. Начинал работать учителем, "вырос" до директора школы. Потом, когда в СССР заговорили о свободе, некоторое время возглавлял коммерческую фирму в Тюмени. Вскоре судьба его круто изменилась. Поскольку Павел был сыном своих родителей, простых крестьян из Западной Беларуси, он вернулся домой. Чтобы стать культурным сельским хозяином.

Вначале Шалесны попросил в Зельвенском райисполкоме 50 гектаров земли. Предложили только три и, конечно же, песочек. Через суд удалось вырвать еще три с половиной. На песке даже трава расти не хотела, поэтому Павел от земли отказался.

Искомые 50 гектаров ему посчастливилось найти в соседнем хозяйстве. Правда, это был еще только 1990 год, и фермеру госакт на владение землей не дали. Кредитами тоже не помогли.

В конце концов, Павел Шалесны на свои деньги купил овец и необходимую технику. Дела пошли неплохо. Хозяйство развивалось и богатело. Но параллельно этому росли негативные настроения не самой лучшей части местного населения, которую социологи называют маргиналами, а президент электоратом, одним словом, народ осмотрелся, признал в новом человеке "чужеродный элемент" и начал ему "создавать условия".

Однажды Павлу пытались продать краденую солярку. Он отказался. Это "запомнили". Потом стали цепляться местные пьяницы и бездельники: понятно, невыносимо видеть трезвого трудолюбивого человека рядом... Осенью 1993 к нему заявились целых восемь местных с целью "поучить". Шалесны сумел убедить, что учение дорого им обойдется. Одновременно написал заявление в милицию — ответа не было.

Логично, что те же восемь пришли вновь, избили Павла, связали и оставили на ночь лежать во дворе. Результат: месяц в больнице, потери из-за этого, и письмо от начальника РОВД — хулиганы получили общественное порицание. Еще один результат: местные маргиналы почувствовали поддержку властей и совсем осмелели.

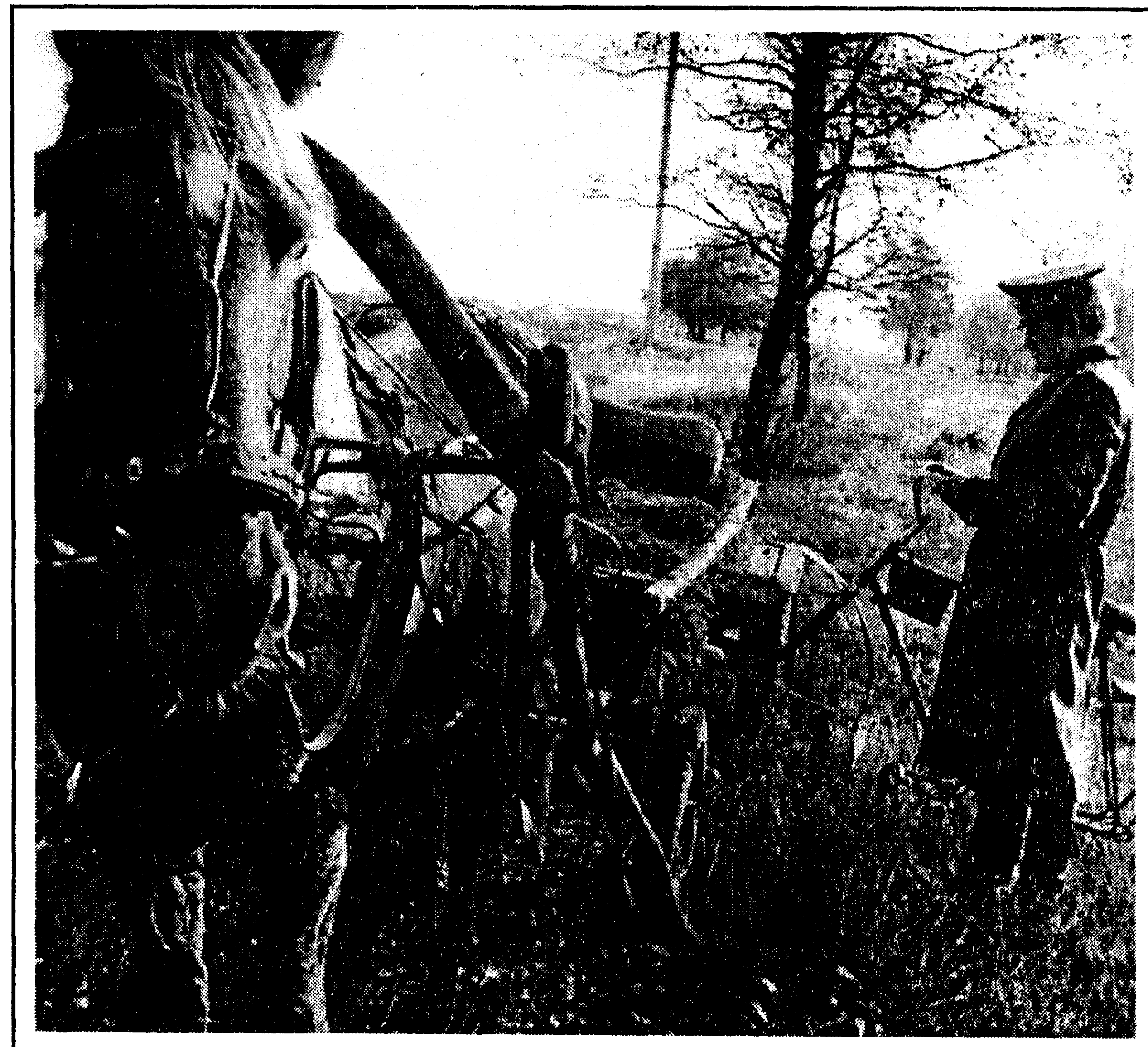
Особенно лютовали соседи. Они даже не разрешали ходить мимо их домов и прогонять стадо. Пробовали возбудить против Павла уголовное дело -- словно бы за повреждение посевов — но в суд почему-то не появились.

Окончательное разрешение фермерской проблемы приближалось...

II

Те же соседи довели Павла Шалесного до тюрьмы.

Осенью 1994 года в один из дней соседи "праздновали" окончание уборки картофеля. Они были уже на хорошем подпитии и, видно, жеребенок Павла, который забежал в их двор, переполнил их терпение.

В ходе "боевых действий" Павел пытался защитить своего жеребенка. Соседи спустили на него авчарку, и та пркусила Павлу ногу. Он, в свою очередь, ранил собаку. Сосед взялся за вилы — Шалесны отбил нападение с потерями — вилы пробили его руку. Все могло закончиться для фермера плохо, но он бросился домой и вызвал милицию. Она приехала, однако, только на следующий день.

Опергруппа вела себя как-то странно. Все время сыщики проседели за столом у соседей. Ясно, что составить протокол они уже были не в состоянии. К потерпевшему, Павлу Шалесному, они так и не зашли. Разговор со следователем состоялся только на третьи сутки. Тот с места в карьер обвинил Павла в ранении собаки, затем — и соседки. В заключении предложил во всем чистосердечно признаться. Павел, правда, не понял — в чем.

Следствие длилось несколько месяцев, а 8 декабря 1994 года фермера приехала "брать" группа захвата, вооруженная автоматами. "Взяли" его просто в поле и сильно избили. Вместе с ним — и женщину, которая работала у Павла.

В райотделе ему предъявили обвинение в злостном хулинанстве. Что он мог сделать? Только дать отвод следователю и написать заявление об избиении его милиционерами. Фермера перевели в Барановичское СИЗО, где он просидел девять месяцев.

Затем был суд. Шалесного признали виновным в нарушении статьи 201 Уголовного кодекса и дали три года заключения. Сидел он в Минске, в известном учреждении на ул. Опанского. Не так и далеко от Генеральной прокуратуры и Верховного суда.

Интересно отметить, что главными свидетелями на суде выступили соседи (люди заинтересованные) и психически больная женщина. Против Павла свидетельствовали люди, которые хотели увидеть его в тюрьме.

Шалесны отсидел 2 года и 2 месяца, его выпустили по амнистии в феврале 1997 года.

У фермера было довольно крепкое хозяйство: "Камаз", автобус, "Жигули", 45 овец, корова. Когда Павел сидел в СИЗО, ему сообщили: имущество расхищается. Можно представить, что осталось от хозяйства через два года. Грузовик хранился в милиции — от него остался, так сказать, только внешний вид. В деревне же "постарались" мирные крестьяне. На хозяйстве можно было ставить крест.

III

На этом, понятно, ничего не закончилось, так как павел Шалесны начал добиваться справедливости.

Он обратился и исковым заявлением "О защите прав человека" и "О защите конституционных прав человека" в прокуратуру, где ответчиком выступают Зельвенский райисполком и Гродненский облисполком. Этим, вероятно, он и решил свою судьбу.

Дальше все шло по накатанной колее. Павел вернулся из тюрьмы. Землю у него уже забрали. Он с этим не согласился — и какой бы нормальный человек с этим согласился? Весной колхоз начал засевать фермерскую землю. Шалесны буквально встал на дороге тракторов с вилами. Раенные власти вызвали против него милицию. Павлу Шалесному "засветил" новый срок, на этот раз, по статье 189: "покушение на жизнь работника милиции". Было возбуждено уголовное дело. Из Барановичского СИЗО с надежным человеком ему удалось передать на волю письмо. Оно попало ко мне. В частности, в нем говорилось: "Я обратился с заявлением в Гродненское областное управление внутренних дел. Просил найти преступников, которые разграбили мое хозяйство, а также повлиять на тех, кто занимается этим. Оттуда мне вежливо сообщили, что расследование поручено тем, на кого я писал жалобу — работникам Зельвенского РОВД. Естественно, сами себя они не нашли".

Односельчане советовали Павлу: "Уезжал бы ты куда подальше. Тебя все равно посадят". Он решил добиваться правды.

Чего он в конце концов добился? Его выпустили из следственного изолятора. До суда дело не дошло. Павел Шалесны — вновь на воле. Правда, радости от этого мало. Он до сих пор не понимает, почему соседи-сельчане не просто грабили его хозяйство, но делали это без всякого здравого смысла: домашние вещи просто портили, а животных резали. Но государство, и прежде всего местные власти, не встали на защиту фермера, как должно было быть, и местное население, почувствовав безнаказанность и молчаливую поддержку, "поработало" на славу...

Чем он помешал местным властям, что пришлось сажать его даже в тюрьму без всяких на то оснований, для него до сих пор, скажем так, загадка.

Разгадку дал заместитель начальника Зельвенского РОВД Аляксандр Губар: "Он приносил много хлопот и взбаламутил весь район, а теперь еще что-то требует".

По-моему, тут ни дать, ни взять, остается разве что удивиться, что Павел Шалесны все еще на свободе, что пытается добиться наказания виновных и все еще верит в восстановление справедливости.

Возможно, это произойдет потом, при новой власти. Сегодняшняя же людей предприимчивых и независимых сажает в тюрьму. Как это уже произошло с Климавым, Кудзинавым и другими. Павел Шалесны был одним из первых. Не таким известным в стране, но это совсем не делает его случай менее показательным.

Сяргей ШАВЦОВ

О мелочах, которые говорят так много,

или почему художник Алесь Пушкин отказался от президентского "подарка"

Известный беларусский художник Алесь Пушкин отказался от подарка государства в честь 60-летия Союза художников, членом которого он является. К юбилейной дате был издан шикарный справочник со сведениями о биографиях и творчестве примерно тысячи членов творческого союза. Все выглядит красиво: портреты художников, цветные репродукции их произведений... Однако для Алеся Пушкина и других художников, известных своими патриотическими взглядами ни хорошая бумага, ни яркие краски, ни качественное оформление не стали утехой: за внешним блеском праздничного украшения и Пушкин, и многие его коллеги увидели бесчестье для Беларуси и лично для себя.

Во-первых, когда собирались сведения для издания, каждый художник должен был предоставить свое произведение по собственному желанию. Сделал это и А. Пушкин. Но вместо своей картины "Пад рускім ботам" Алесь Пушкин нашел в книге... снимок фресок, которыми когда-то украсил художественный лицей в Минске. "Такая замена была сделана без всякого согласования со мной," — заявил художник, восприняв этот факт как проявление цензуры и нарушение своих авторских прав. Очевидно, что изменения в содержании справочника были сделаны издателями из "политических причин". Какие могут быть "русские сапоги" во время "интеграции" и "дальнейшего единения с Россией"?!

Во-вторых, при составлении справочника с художниками не согласовывалась одна "мелочь" — присутствие на первой странице книги портрета президента Лукашэнка и его поздравительного обращения к беларусским творцам. "Это просто издевательство над нами! — считает Алесь Пушкин. — Слова о свободе и независимости Беларуси нам говорит человек, который закрывает выставки художников, уничтожает все беларусское, преследует национальную творческую интеллигенцию".

За два дня до Нового года А.Пушкин пожаловал к председателю Союза художников Генадзию Буралкину, чтобы, кстати, в присутствии журналистов, задать ему несколько вопросов. Как сообщил председатель СХ, деньги на издание справочника (около 4,5 миллиардов рублей) выделил Совет Министров Беларуси и "фонд поддержки культуры президента". Оговорка с названием фонда (он официально "при президенте") ясно отражает ситуацию. Кто платит — тот и заказывает "музыку". Тем не менее, по мнению г-на Буралкина, "мы должны сказать властям спасибо, так как справочник о Союзе художников мог бы сейчас не выйти вообще". Меж тем, решение о печатании книги в таком измененном виде принималось Радой Союза художников без учета мнения остальных членов творческого объединения...

Генадзь Буралкин не считает то, что произошло, позором для Союза. Он сослался в разговоре с нами на пример Союза художников соседней Украины, который издал подобный сборник с поздравлением украинского президента Леанида Кучма. Понятно, однако, что эта параллель сильно хромает. Деятельность президента Украины никак нельзя сравнивать с политикой президента Беларуси...

Алесь Пушкин торжественно вручил председателю СХ только что полученный им "подарок", предлжив оставить его себе на память. Со своей стороны могу предсказать, что некоторые коллеги Пушкина посчитают его "неблагодарным", его имя могло не попасть в это издание вообще, но попало, наверное, для демонстрации отечественной "демократии". Алесь Пушкин известен своими политическими акциями прошлых лет, а также осуждением по политическим мотивам (1989 г.) на условный срок. Властями была закрыта галерея "У Пушкина" в Витебске после ареста в 1995 году молодых поэтов и художников — участников I съезда беларусских патриотов. А.Пушкин известен также тем, что рисует иконы и расписывает церкви и костелы в беларусских городах и деревнях. Художник утверждает, что политика — не его сфера деятельности, но власти сами вынуждают художников реагировать на созданные в стране условия неволи и бесчестья.

К сожалению, часть интеллигенции сносит пощечины и унижения молча. Юбилейный справочник Союза художников войдет в историю как свидетельство этого.

Тацяна ЖДАНОВИЧ

События Факты Комментарии

(Начало на стр. 1)

31 декабря 1998 года ночью пресс-секретарь гражданской инициативы "Хартыя-97" Алег Бябенин был задержан милицией на Октябрьской площади Минска, где происходило празднование Нового года. Причиной задержания стал ярко-оранжевый флаг с изображением символа "смайлик" (от английского — улыбка), который широко используется в интернетовском общении. С этим флагом А.Бябенин гулял по площади в компании своих друзей, которые имеют непосредственное отношение к Интернету. Но сотрудники милиции решили, что изображение на флаге не соответствует праздничному настроению. Именно так подполковник Гирэль мотивировал свое требование свернуть флаг. А.Бябенин отказался это сделать. Тогда сотрудники милиции начали отнимать флаг с употреблением физической силы, при этом брызнули в лицо А.Бябенину из газового баллончика. А.Бябенин в специальной машине был доставлен в опорный пункт милиции, где его продержали около 40 минут.

5 января Беларусский Хельсинкский Комитет провел награждение школьников — победителей конкурса "Я имею право". 24 ученика были награждены ценными подарками и почетными грамотами. Праздник состоялся в музее Янки Купалы.

6 января районный исполнительный комитет г. Сморгонь запретил активистам Беларусского Народного Фронта "Адраджэньне" проведение пикета с целью "высказать протест против предательских действий президента Лукашэнка по отношению к Беларуси". Пикет должен был состояться 17 января.

10 января Верховный Совет 13-го созыва провозгласил дату президентских выборов, которые должны состояться 16 мая 1999 года. За это решение проголосовало 44 депутата, которые собрались на свое заседание в минской гостинице "Турист". Прокуратура Беларуси выступила с заявлением, в котором говорится, что деятельность по организации досрочных выборов президента рес-

Минск. Декабрь 1998-го года...

Как это было

(Начало на стр. 6-7)

осталось только его объявить. Судья называет мне наказание: пять суток ареста с момента задержания. Спасибо и за это, так как могло быть и десять, и пятнадцать... А так мне остается провести не в самой худшей компании всего двое суток (надежды на "хорошую компанию" были напрасными — всех нас разбросали по разным камерам).

После суда нас везут в Советский РОВД. Там нас встречают родные, друзья и представители правозащитных организаций "Хартыя-97" и "Вясна-96". Некоторое время сидим в боксе РОВД, пока ищут машину, чтобы отвезти в тюрьму.

Нас, кстати, осталось чет-веро. Один попал к более "гуманному" судье, который дал ему только штраф в 5 миллионов рублей (средне-месячная зарплата в Беларуси — *ред.*).

Наконец мы вновь в спецприемнике. Оформляют нас культурно, без спешки. Затем представители "Хартыи-97" вручили каждому из нас по пакету.

Перед раскидкой по камерам нас вновь сажают в один бокс. Самый опытный из нас Змицер Бандарэнка — руководитель Фонда поддержки независимой прессы, дает советы, как себя вести в подобных ситуациях. Хлеб в наших пакетах вкусно пахнет, и я слышу чей-то голос: "Дед, дай поесть, трое суток не ели..." Отдаю буханку хлеба, ветчину, яблоки, пачку сигарет ближайшему из временных "коллег". В ответ слышу тихое: "Спасибо..."

Первым забирают Бандарэнка. Меня — последним. Ведут куда-то наверх. Там снимают отпечатки пальцев и ладоней. Руки становятся черными от краски. Спрашиваю, где бы их помыть. Отвечают, в камере, там должны быть сода и мыло (не было ни одного, ни другого, пришлось вытирать руки газетами).

Привели меня в камеру номер одиннадцать. Здороваюсь: "Жыве Беларусь!" "Политический? — спрашивают. — Из БНФ, наверное?" "Да," — отвечаю. "Тогда занимай место Шчукина — второе от окна..."

В камере 16 человек. Висит плотный синий дым от сигарет с начинкой из сахара, известки и какого-то порошка, от которого зеки "балдеют". Еще в камере устойчивый запах параши и мгогоэтажный российский мат. Я в таком месте впервые и поэтому придерживаюсь совета Бандарэнка: со всеми только на "вы", никому не задавать никаких вопросов, отвечать только по необходимости. Сидят здесь в основном те, кому присудили 15 суток ареста и более. Все бледные, многие постоянно чешутся. Ни прогулок, ни бани, ни даже мыла не разрешено. Кормят, говорят, через день. За что сидят — никто не говорит. Догадываюсь из обрывков разговоров, что в основном тут алкоголики и валютчики. Выделялся среди всех студент-эфиоп (не из тех, что были с нами в первый день: те были бывшими студентами, которые не хотели возвращаться домой). Он получил 15 суток за попытку обмена валюты. Определенную часть руской лексики он уже хорошо изучил и поэтому стал в камере объектом особого внимания. Слушая его, никак нельзя было удержаться от смеха...

Назавтра утром меня вызывают к двери: "Кто тут Карызна? Вам передача". Читаю — от Правозащитного Центра "Вясна-96". У зеков интерес: что за организация такая. Объясняю, что знаю. В камере сразу же находятся несколько человек, которые заявляют, что

публики не соответствует Конституции Республики Беларусь и действующему законодательству.

11 января в Советском суде г.Минска состоялся судебный процесс по административному делу Валерия Шчукина — журналиста, депутата Верховного Совета 13-го созыва. Судили В.Шчукина за участие в акции гражданского неповиновения, которая состоялась 25 декабря и была направлена против инкорпорации Беларуси в Россию. В протоколе задержания, который фигурировал в суде, сказано, что на предложение сотрудников милиции покинуть проезжую часть улицы "В.Шчукин ответил категорическим отказом и начал выкрикивать "Жыве Беларусь!" Адвокат доказывала, что акция 25 декабря не является пикетом, а Шчукин, в свою очередь, утверждал, что это был его личный, а не общественный протест. На суде Шчукин выступил с речью, в которой обвинил сотрудников милиции в нарушениях 8 уголовных и 6 административных статей, которые были допущены при его задержании. Несмотря на это, и.о. судьи А.Ганчарык признал Шчукина виновным и присудил ему 10 суток административного ареста.

их права также нарушены, и они достойны передач...

Приносят "обед": кашупшенку и кружку чая. Это на весь день. Делюсь своей передачей с сокамерниками: у меня этот день последний, завтра на волю. На ночь натягиваю на уши свою шапку, чтобы ничего не слышать, и засыпаю.

Утро. В этот день из нашей камеры освобождалось кроме меня еще два человека. Первый исчез незаметно, ни с кем не простившись. Второй церемонно обходит всех, подает руку. мне еще и сказал: "Жыве Беларусь!" Их освобождают утром, а мне нужно ждать вечера. Пришли за мной ровно в 18.00. Прощаюсь, желаю всем счастливого Нового года, который наступает через день. Иду двориком и вдруг слышу громкий крик: "Жыве Беларусь!" Оглядываюсь, вижу зеков моей камеры, которые выглядывают из-за решетки. Поворачиваюсь к ним, поднимаю правую руку с двумя пальцами буквой "V" и отвечаю: "Жыве вечна!"

Письмо в редакцию

Права защищать — лишен...

Рэдактору бюллетеня "Право на свободу" Алесю Бяляцкому

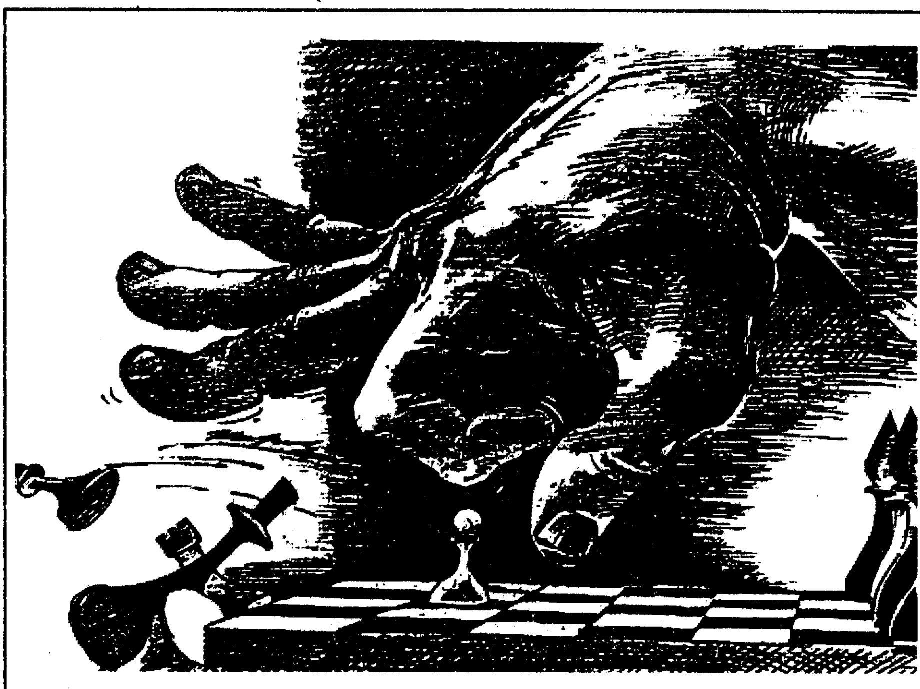
Уважаемый Алесь!

К сожалению, я не являюсь постоянным читателем вашего бюллетеня. Более того, 19 номер за октябрь 1998 года попал ко мне совершенно случайно. Однако я очень рад самому факту существования вашего издания.

Обратиться к Вам меня заставили строки, прочитанные в статье Андрэя Мельникава "Путешествие за решетку". Судя по всему, они относятся ко мне. Вероятно, Андрэй Мельникав, в отношении которого было возбуждено уголовное дело, заявил ходатайство о том, чтобы его защиту осуществляли адвокаты по его выбору. В числе других была названа и моя фамилия. Из прочитанного мной, к сожалению, нельзя установить, кто именно ввел в заблуждение А.Мельникава относительно моего профессионального положения. Но это и не важно. Очевидно только, что права арестованного, в том числе право на защиту, были нарушены.

С 1 июля 1997 года, это значит с момента вступления в силу декрета "О некоторых мерах по усовершенствованию адвокатской и нотариальной деятельности в Республике Беларусь" , грубым образом были нарушены конституционные права не только лиц, преследуемых властями, но и адвокатов. Частная адвокатура, которая составляла элиту адвокатского корпуса, высокопрофессиональная, независимая и бесстрашная, была упразднена. Адвокатам, которые проявили высокую гражданскую позицию, принципиальность в отстаивании прав и свобод граждан, было отказано в приеме в коллегии адвокатов. В числе таких оказался и я. Мне не простили критики министерства юстиции, рутинности и нежизнеспособности, трусливости коллегий адвокатов, а более всего — выступления с рядом статей в газетах "Частный адвокат", "Свободные новости", "Аргументы и факты", "Навіны", в которых я высказал свои взгляды на проведенные изменения и резкий протест по причине массовых нарушений прав человека в Беларуси.

К настоящему времени сложилась следущая ситуация. Я и ряд других адвокатов имеем ранее выданные лицензии на право осуществления адвокатской деятельности, которые не аннулированы, и срок которых не закончился. В соответствии со статьей 7 Закона Республики Беларусь "Об адвокатуре" мы сохранили статус адвокатов как после принятия декрета, так и после внесения изменений в закон об адво-

катуре. Однако в нарушение статьи 62 Конституции Республики Беларусь и ряда статей Закона об адвокатуре, права граждан на юридическую помощь и права адвокатов на оказание юридической помощи повсеместно в нашей стране нарушаются.

В приеме в коллегию адвокатов мне отказано по мотивам отсутствия вакансий. Мои жалобы были оставлены без удовлетворения и вызвали только волну шельмования, как, кстати, и в отношении ряда моих коллег. Некоторых из них по надуманным причинам лишили лицензий. Лишить лицензии меня не смогли, но и работать не дают. Правового пути защиты наших прав нет. Это очень характерно для сегодняшнего положения в нашем государстве. Явным глумлением над нами является то, что в коллегиях адвокатов находятся лица, которые ранее привлекались к уголовной ответственности за тяжкие преступления, лица, которые отбывали наказания в местах лишения свободы, причем приговоры в отношении которых не отменены. Вопреки прямому запрету, который содержится в законе об адвокатуре, им нашлись места в колле-гиях адвокатов. Эти факты ясно свидетельствуют о том, как власти на деле борются с криминалом, и кто, по их мнению, более опасен.

Несмотря на то, что прошло полтора года с того времени, как я лишен возможности заниматься адвокатской деятельностью, люди продолжают настаивать на том, чтобы защиту их прав осуществлял я. Каждый раз им незаконно отказывают в этом, как было и с г-ом Мелькавым. Полтора года я нахожусь без работы, а моя семья, в том числе двое моих маленьких детей 7 и 6 лет, по существу, без средств к существованию.

Статус адвоката я имею с 1973 года. Опыт практической работы у меня более 25 лет. Отстаивая свое человеческое достоинство, я имею намерение всячески добиваться восстановления независимой адвокатуры, права на работу в ней, восстановления Конституции 1994 года и всех легитимных органов в нашей стране. Сделать это все в масштабах государства можно только в том случае, если каждый почувствует свою гражданскую ответственность за судьбу своих детей, за судьбу Отечества.

Жыве Беларусь!

С уважением

Уладзимир САЛАВЬЕВ

г. Орша

Андрэй Мельникав

Путешествие за решетку

Следователь Дзмитры Дзмитрыевич Турач "принял" меня на втором этаже здания управления КГБ по Гродненской области. Допрос должен был проходить в присутствии адвоката и переводчика — поскольку Турач, по его словам, беларусским языком не владеет. Переводчика приходится немного подождать, а адвокаты, которых я назвал, выясняется, не имеют права меня защищать. Даю имена и примерные координаты новых адвокатов — моих знакомых из Минска и Барановичей. Следователь, покуда ожидаем переводчика, словно бы пытается связаться с ними.

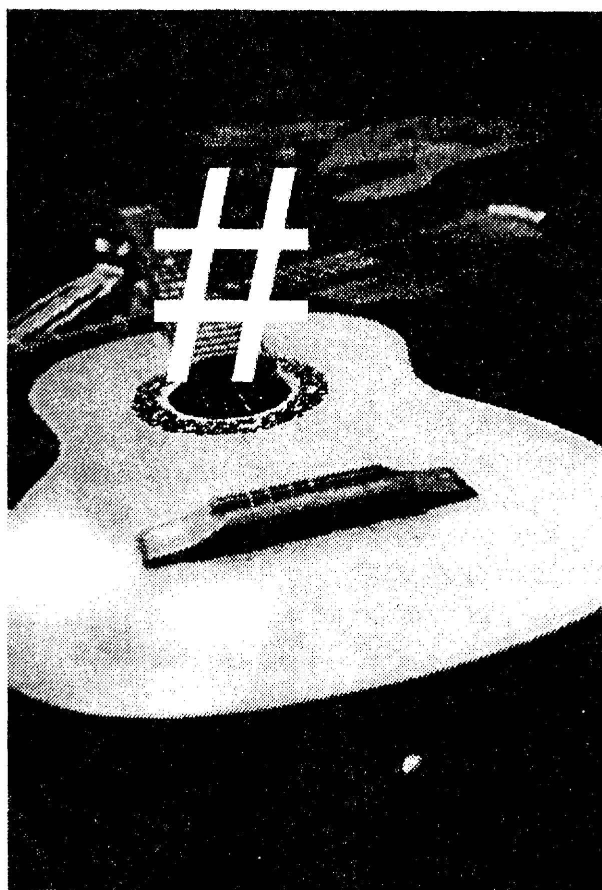
Переводчица, женщина лет под тридцать, появляется в скором времени. Узнав о моих адвокатских проблемах, она советует взять гродненского адвоката: и ситуацию местную будет знать, и дешевле обойдется. Я припоминаю своего родственника, который уже лет тридцать живет в Гродно, и соглашаюсь с ней: найти адвоката для меня ему будет проще. Турач берется тут же позвонить моему родственнику и даже дает мне несколько минут поговорить с ним. Затем договариваюсь с переводчицей, кому она может сообщить обо мне. Беларусский мир тесен даже в трехсоттысячном Гродно. И, конечно же, переводчица знает и Шалкевича, и Дануту Бичэль, и Чобата... Поскольку моему праву давать показания по-беларусски никто не препятствует, то решаю дальше за него не бороться. Я неплохо знаю и русский язык.

В кабинет к следователю заходит мой родственник, кажется, более меня озабоченный моим положением. Адвоката пока он назвать не может, но обещает найти до понедельника. Таким образом, все "организационные вопросы" моего тюремно-допросного обеспечения решены, и я возвращаюсь в "хату" с приподнятым настроением и твердой уверенностью, что уже через несколько дней буду на свободе...

Суббота и воскресенье в тюрьме — "мертвые" дни. Ни допросов, ни передач. Утренние проверки идут по сокращенной программе: бывает даже из "хаты" не выводят. Но есть в эти дни для меня и что-то новое в тюремной жизни — вывод на "гулку" (прогулка в тюремном дворике).

Коллектив "хаты" может идти на "гулку" в полном составе, а может и разделиться на части: тех, кто идет гулять, и тех, кто остается в "хате". Но в любой из частей должно быть не менее двух человек: в одиночестве в тюрьме можно остаться только в "стакане" или на "кичи".

"Гулочных" двориков в гродненской тюрьме семнадцать. Площадь их от четырнадцати до сорока четырех метров. Номер дворика и его площадь указаны на специальной доске, прикрепленной к обитым жестью дверям. Сам дворик — забетонированное снизу и зарешеченное сверху пространство. Стены его где-то четыре метра в высоту. "Ветераны" тюрьмы говорят, что раньше стены были кирпичные, а теперь они густо заляпаны окаменевшим цементным раствором. Это дает дополнительные удобства зекам: образуются различные дырки и дырочки, в которые можно спрятать сигарету, спички, "малявы" для тех, кто выйдет на "гулку" позже. Конечно, это богатство может достаться ментам и баландерам, если они возьмутся шманать или убирать дворик, но под этой угрозой находится вся тюремная "почта", каким бы образом ее ни пересылали.

"Мульки" оставляются во дворике обычно тем адресатам, к которым почтового пути просто не существует: например, в другую сторону корпуса или в другой корпус. "Хата", к которой такой путь есть, обязана подобрать "мульку" и переслать ее. В двориках оставляют сообщения и когда местонахождение адресата неизвестно. Для этих целей используется деревянный дверной оклад. Тут царапают надписи типа: "Мирон, сколько дали?", или "Арнольд, 99" (значит, Арнольд находится в 99 "хате")...

За первые свои выходные в тюрьме я перестирал всю одежду, а затем еще и подремонтировал ее. В "хате" было достаточно стирального порошка и хозяйственного мыла, а два подполковничьи кипятильника достаточно быстро обеспечивали меня горячей водой. Было только одно неудобство: чтобы иголку не конфисковали, шить приходилось маскируясь.

Отсутствие личной "шконки" особо не допекало меня. На ночь "хата" брала деревянный стеллаж-"газету". Мы размещали его между верхними "шконками" и для страховки привязывали одним-двумя полотенцами. Наверх я брал с собой книжку и читал часов до одиннадцати. Затем "медитировал" несколько минут, сидя "по-турецки", и ложился спать.

Шесть с половиной часов сна мне хватало, чтобы отоспаться. И в субботу, и в воскресенье я вставал еще до подъема. Это вызвало недовольство и "психи" волосатого подполковника. Оказывается, я грубо нарушил тюремные "понятия", мешая самому сладкому утреннему сну остальных. Мотаю это на ус и начинаю вставать по звонку. Но через месяц заключения узнаю, что "по понятиях" зек может вставать когда захочет, и наезжать на него за это — настоящий "косяк". В тюрьме все равные. С этим, правда, тяжело согласиться людям, привыкшим к высоким должностям и погонам, которые всю жизнь ползли по служебной лестнице, землю грызли, ж..ы лизали, а тут — бац! — и ты как все...

Стеллаж-"газета" свое второе наз-вание оправдывает. Как и дверной оклад в "гулочном" дворике, он заполнен самой разнообразной информацией. Здесь и стишки, иногда очень и очень неплохие, и "пробы пера". Ерунды хватает, однако большая площадь "газеты" делает ее исключительно содержательной. К тому же, поначалу, каждый вечер стеллаж "приходит" новый, и читать его интересно. Потом, когда та же самая "газета" попадает к тебе в третий или четвертый раз, интерес к ней исчезает. А вообще — "газеты", как ничто другое, фиксируют и отражают тюремный фольклор, тюремную мифологию. Причем не на быстроуничтожаемой бумаге, а на благородном дереве...

Кстати, хватает в "хате" и обычных газет. Их приносят ежедневно, кроме выходных. По одной. Это бывает "Советская Белоруссия" или "Рэспубліка", "Народная газета" или "Знамя юности", "Биржи и банки" или "Гродненская правда". Правда, приносят не всем. Из газет хорошо делать приспособления для налаживания "дороги". И в "хаты", которые "накрыли" за этим делом, газеты не дают месяцами. Нам повезло: наша "хата" тупиковая, и газет у нас много.

(Продолжение. Начало в №№15-24)

(Продолжение следует)

Право на свободу. Бюллетень Правозащитного Центра "Вясна-96".
Выходит два раза в месяц на беларусском, английском и русском языках. Тираж 299 экз.
Адрес редакции: 220007 Минск, а/я 88, E-mal:rights@v96.open.by Редактор Алесь БЯЛЯЦКИ.

В номере использованы рисунки А. Карповича и фотоснимки из архива Центра "Вясна-96"